

Исмаил Иман

«На гладкой стороне»

(документальный текст в восьми рюмках)

ПЕРВАЯ РЮМКА

...Там в провинции особенно боятся, понимаешь. Они более законопослушные, чем в Москве. Я помню, как-то я в Самаре должен был растаможить, это самое, груз, груз *deyüpdə*¹, инструменты, начальник таможни аэропорта, я говорю, слушайте, вы же видите, что это не на продажу, я из строительной компании, мы эти инструменты закупили для того чтобы использовать, я работал в конторе, называлась «Оренбургский строитель», это была компания при «Оренбургской стали», а «Оренбургская сталь» входит в этот, в «Металлоинвест», слышал про такую контору? Алишер Бурханович Усманов, знаешь, да? Вот. «Металлоинвест» — это Алишера Бурхановича. Там у них тогда председателем совета директоров был Рзакулиев Назим Тофикович, он бывший военный переводчик, очаровательнейший человек. Вот. Это когда было? В 2000-х годах. Я к чему это вел. Я работал в «Оренбургском строителе», мы там реконструировали отель «Металлург», 47-го года или 49-го года постройки, я к чему сейчас, к чему я веду, насчет того, что, это самое, в провинции боятся, я когда ему говорю, слушайте, намекаю, тысячу долларов дам, просто мне растаможь, этот груз пришел почему-то в Самару, я не помню, он не должен был туда попасть, он попал в Самару, он говорит, не-не-не. Я говорю, слушайте, если бы я был в Москве, я бы сейчас в два счета растаможил бы, он говорит, в Москве можно растаможить все что угодно, говорит, в Москве столько пластилина растаможено, что можно весь МКАД закатать под пластилин, ты понял, да, что имеется в виду? Все, что не растамаживаешь, пишешь «пластилин», он говорит, а с меня здесь, в Москве можно все, а с меня здесь погоны сорвут просто за это, и он мне вообще без копейки денег, вот что прикольно, в чем вот отличие русского чиновника от нашего, без копейки денег он мне делает, это самое, он говорит, давай я тебе сделаю транзит, ты куда едешь? Я говорю, Новотрой, Оренбургская область. Давай я тебе до конечного пункта сделаю, а там че хотите, делайте. Он позвонил, сказал, запломбируйте, и я уехал.

Это раз, потом был второй такой же случай того периода. У меня шеф, не всегда же начальство умнее всех, он решил, что *qabaq*² попадет, нам нужно было два лифта, он решил эти лифты купить в Корее, короче, купил в Корее, а оказывается своего рода монополия в России есть, как и везде: все лифты завозит одна контора только, дает разрешение на эксплуатацию всех лифтов, называется Рослифт или Мослифт, то ли Рослифт, то ли Мослифт, и эта контора в Москве. Нельзя просто взять и привезти лифт, привезти ты можешь, никто тебе ничего не скажет, но на эксплуатацию ты в одном месте можешь получать разрешение. И короче, мы лифты установили, а эксплуатировать их нельзя. Меня командировали в Москву:

---

¹ говоря (азерб.)

² вперед (азерб.)

get, sən bunlarla dil tapa bilirsən³, я говорю, nə dil, nə dil?⁴ Get, gör neynirsən⁵. Я, короче, приезжаю в Москву, его не оказывается на месте, четверг что ли, говорит, в понедельник будет. Я говорю, ну окей, я приеду в понедельник. Ему прямо позвонили: в понедельник скажите, чтоб в десять часов. Я прихожу в понедельник в десять часов, сидит необъятный мужик. Необъятный просто. Это не просто лишний вес, да, ты понял, без всякого преувеличения, нездорового такого... С приветливым выражением лица. Он говорит, а че это вы, блин, что за самоуправство, говорит, вы почему, говорит, лифты сами возите? Я говорю, в смысле сами возим? Ну разрешение... Ну короче, нельзя самому возить, я говорю, ну простите, это не мой косяк, я говорю, шеф решил, что он умнее всех. Я говорю, ну мы не знали. Я просто сразу пробрасываю такой момент, я говорю, вы знаете, у нас впереди еще строительство девятиблочного здания намечается, вот как раз мы к вам и обратимся по поводу лифтов, и он так делает: ну ладно, говорит, я тебя, во-первых, заставил ждать аж с четверга, ты издалека приехал, вижу, ты хороший парень, давай, говорит, свои документы. И так делает: выпьешь со мной? Десять часов утра. Я говорю, да, почему нет? Он встает, открывает шкафчик и достает оттуда Хеннесси. Наливает по пятьдесят, мы выпиваем, он ставит печать, расписывается. Давай еще по пятьдесят? Я говорю, давайте. Наливает еще по пятьдесят, он говорит: ну счастливого пути! Клянусь, это реально, знаешь, сколько я так сталкивался...

Я когда первый раз туда летел, у меня вообще был шок. Мне дали здесь билеты, посадили на самолет, давай, и со мной еще человек шесть-семь, что ли, не помню, рабочих, знаешь, рабочие. Наши, азербайджанцы. Bunlarda gözün olsun, fəhlədilər⁶. Я как пионервожатый. Вах, Moskvada qatıqlamasınlar⁷. Я говорю, детский сад что ли? Взрослые мужики... Короче, и у нас стыковка, мы в Москве должны быть часов восемь. И оттуда мы должны лететь в этот, в Новотроицк... Теперь, прикинь, каждый из них с инструментом, с перфоратором, они, знаешь, как будто домой вызвал мастера, они вот с инструментами, мы летим. И тут начинается приколы. Мы прилетели в Москву, я им говорю, oturun burda, mən getdim⁸. Я уезжаю, там ресторан «Яма», забыл, на Театральной что ли, поехал пообедать, у меня там подруга жила, лясы поточить, я поехал обратно к вечеру. Я прихожу, а у меня билет, авиабилет, и у них тоже, там ни места, ничего не указано, я подхожу к представителю, говорю, у меня такой билет, к девушке, она мне говорит, проходите, и проводит меня в ВИП. Прикинь, рабочие, я, нас заводят в ВИП. Бизнес-лаунж. Они в растерянности, я сам в растерянности. Что за хрень? Я взял пива, там все, алкоголь, все бесплатно. Я взял пива чуть-чуть, оглядываюсь, объявили посадку. Я иду в самолет и спрашиваю, мне куда сесть. Куда хотите, садитесь. Я пошел там, сел. Смотрю, какие-то мужики заходят, причем все без багажа, с дипломатами. Все такие солидные мужики, а рабочие у меня с перфоратором. Я им говорю, gedin oturun arxaуа⁹, типа не отсвечивайте. Вдруг один мужик подходит: молодой человек, вы извините, пожалуйста, обычно я тут сижу, вы не могли бы

³ поезжай, ты с ними общий язык находишь (азерб.)

⁴ какой язык, какой язык? (азерб.)

⁵ Поезжай, разберись (азерб.)

⁶ Присмотри за ними, они рабочие (азерб.)

⁷ Смотри, чтоб в Москве они не начудили (азерб.)

⁸ сидите здесь, я поехал (азерб.)

⁹ садитесь назад (азерб.)

пересесть? Первая реакция, в самолете, сказать, ты debil что ли? Что значит «обычно сижу», тебе не нравится, иди туда, потом думаю, здесь что-то не то. Смотрю, все заходят и здороваются друг с другом. Я говорю, ну окей. Я говорю, а сзади тоже кто-то сидит? Нет, как раз дальше там никого нет, я говорю, ладно, окей, пересаживаюсь. Еще все не расселись, стюардесса пошла с тачкой, и там алкоголь всяческий, что хочешь: водка, виски, коньяк, все что хочешь, ликеры. Она подходит: вы что будете? Я так по приколу типа: Блади Мери. Она, окей, она мне делает Блади Мери. Я в общем в шоке. Те сидят сзади, вообще, к ним тоже подошли, они что-то там заказали, я такой, *özünüzü uaxşı arayıp*¹⁰, я сижу, они сидят, я не могу понять, что тут происходит. Короче, мы полетели, там два часа лета что ли, даже, по-моему, меньше... Такие разносолы, там только черной икры не было. Красная икра, всякие вырезки, нарезки, в общем. Деликатесы всякие. Я не могу уловить, че да это вообще такое? Все знакомы, давай, чокаются. В основном, я смотрю, все пьют Карвуазье. Я там еще водочки попил. Мы приземляемся, значит, мы прилетели, не в Новотроицк прилетели, по-моему, в Орск прилетели, я не помню, самолет садится, мы выходим, значит, трап, и вот так ряд Тойот Камри стоит, последнего года выпуска, просто ряд Тойот, они вдоль самолета на взлетно-посадочной полосе. И они, каждый из них *bir-bir gedirlər*¹¹, садятся по машинам, уезжают. И стоит, какая-то Лада стоит. Жигули, короче. И мужик... Я такой, в растерянности... Садитесь. Я говорю, а эти? А вот там автобус за ними. Я сажусь, мы едем. Я говорю, слушай, мужик, это кто такие? Он говорит, как кто такие? Ты с ними летишь и не знаешь, кто это такие? Я говорю, нет, вообще-то. Это же генералитет. Оказывается, все руководство «Оренбургской стали», они все живут в Москве. Они в понедельник летят на работу, а в пятницу возвращаются домой в Москву, понял? Я был просто в шоке, у них просто как штатл... От того, что Рзакулиев пьет Карвуазье, весь генералитет, они так называют, то есть гендиректора, весь генералитет пьет Карвуазье... И они вот так там жили, они не работали, это просто такая праздная жизнь, я соприкоснулся с ними, я от того, что потом общался именно с начальством. Рзакулиев — раз — однажды собрал, у них же самолет закреплен за ними, и раз — они полетели в Баку. Потом весь Новотроицк, наверное, неделю разговаривал о том, как руководство в Баку гуляло.

ВТОРАЯ РЮМКА

Там до нас в этом городе работали сербы. Когда мы появились, я появился, там еще один — главный инженер, полгорода думали, что мы — сербы.

Представь, что в маленьком этом городе четыре колонии строгого режима. Город делали зеки, в сороковых годах основали этот город, и вот комбинат, градообразующий комбинат... корабельную сталь... И это самый большой налогоплательщик всей Оренбургской области. И короче, я как приехал, первое, что мне сказали, пешком не ходить вечерами. Я говорю, в смысле? В самом прямом смысле. Где бы ты ни был, вызывай такси. Такси копеечное было, и вот куда бы ни вызвал — прямо к подъезду...

---

¹⁰ ведите себя хорошо (азерб.)

¹¹ по очереди выходят (азерб.)

Мы однажды с моей подругой... Мы когда познакомились, она говорит, вы откуда? Я говорю, из Баку. Она говорит, я думала, что вы серб. Я говорю, нет, я из Баку, вы, наверное, не знаете? Она говорит, знаю, почему не знаю, столица Азербайджана. Я говорю, глубокие познания в географии, я говорю, респект преподавателю. А потом выясняется, когда мы уже начали встречаться, почему у нее такие глубокие познания. Она оказалась азербайджанкой, прикинь? У нее отец азербайджанец, özü də¹² гядябйский, из какой-то деревни, он когда-то там был на химии, женился на ее матери, у него родился пацан, и она потом, а потом он их оставил, уехал, когда ей было где-то год, а мать у нее наполовину западная украинка, наполовину русская... Она была Абдуллаева Олеся Рамиз гызы, стала она Найко Олеся Романовна. Прикольнo, вот смотри, вот там ксенофобия как работает. Просто в шестнадцать лет, когда получаешь паспорт, если у тебя там «Рамиз гызы», просто человек... Здесь хрен, ты поменяешь... Она просто сказала, что я не хочу быть Рамиз гызы, а кем хотите быть? Романовна. Окей, Романовна. Понятно, матери фамилию взять это законно, но факт, что отчество поменять вот так — не хочу, чтоб «гызы». Окей, Романовна.

Там такие кадры, там в Новотроицке был чувак, мужик, лет, наверное, на двадцать старше меня. Губадлинский или физиулинский. Он приехал когда в Россию, он в каком-то придорожном кафе официантом работал, в советский период. Он поднялся, прикинь, стройматериалами торгует, что-то строит. Каждую весну Урал разливается, смывает маленькие мостики, и каждый год он их строит. И он, порусски его не понять, а когда выпьет, вообще непонятно. Но я видел, как он с чиновниками, он ueyib-ıstək¹³ дает, собирает чиновников, он с ними херачит до поросычьего визга, его невозможно понять, что он говорит. Он договаривается, он бизнес делает! Это анекдот просто, если бы ты это видел. То есть если бы мне рассказали, я бы сказал, не может этого быть. Ему с толмачом нужно сидеть, чтобы его было понятно, а когда выпьет, вообще жесьть. И он договаривается!

Рзакулиев стал этим... Его потом перевели с этого, с Новотроицка, он был гендиректором «Оренбургской стали», потом его сделали гендиректором СЗТМ — Свердловский завод тяжелого машиностроения, это в Ёбурге, я поехал туда тоже работать.

У него было два повара, один повар — азербайджанец, маштагинский, тоже Назим звали, и один повар — узбек. У него там всякие европейские сертификаты, узбек делал узбекскую кухню и европейскую кухню, а этого он привез специально для того, чтобы он ему делал долму и этот, и кебабы делал, этот, маштагинский. А того он держит, что, если вдруг Усманов приедет, чтобы была у него узбекская кухня, тот же родом из Узбекистана... И слушай, его повар на самолете с охраной летал в Москву. Из Азербайджана ему, значит, продукты всякие летели туда, и допустим, Şamaxıdan qoyun göndəriblər¹⁴. Qoyunu gətirirdi¹⁵, и они на берегу Урала, палатку ставили, там все дела, официанточки, kabab çəkirdilər¹⁶, вот такие дела. Просто охренеть.

¹² к тому же (азерб.)

¹³ угощенье, есть и пить (азерб.), в значении «полянну накрывает»

¹⁴ из Шемахи барашка прислали (азерб.)

¹⁵ Барашка привозил (азерб.)

¹⁶ шашлыки готовили (азерб.)

Когда в 2008-м грянул кризис, цены на металлический окатыш ушли вниз, мы должны были строить третью машину окамкования, и стомиллионный проект был, и финансирование сразу свернулось, потому что уже нужды в этом нет. Я там поругался еще, там один у нас был еҫҫәк¹⁷ конченный, бывший комсомольский работник. Такой гнида, как приехал, сразу откуда-то откопал российский герб на лацкан себе, и с первым встречался — мы, мы, мы из другой э когорты, мы из другого теста сделаны. Обнимался со всеми, как гириянил¹⁸, просто было стыдно, что я азербайджанец. Это было что-то вообще. Он к Назиму лез, ко всем, все, кто иерархически чуть выше... Мы однажды стоим, дождь, нам какие-то документы привезли, стоим я, шеф наш, тоже дерьмовенький человечешко, и он стоит. И знаешь, привезли документы, идет дождь, мы стоим под зонтами, а документы на той стороне дороги, и кто-то должен туда пойти, я как самый младший, но именно ситуация такая, что, знаешь, как, безмолвная такая фигня — кто пойдет? Они на меня глянули, у меня на лице было написано, что я просто даже не тронусь с места. И ты бы видел, как он засеменил... Он меня возненавидел за все такие дела и всё палки вставлял. Пока я был нужен, он со мной был, знаешь, как, ала, ты знаешь, мы тебя, ты там, пока я был в Ёбурге один, ты там как на льдине, ты вот как на льдине, наши мысли за тебя, друг. Как приехал, начал... Я его в конце var-yoxunu söydüm¹⁹, я сказал, Намик, я тебе одно желаю, чтобы, а у него сын рос как раз, он был еще ребенком, я не знаю, лет пять-шесть-семь, я говорю, я сох демәсәуәм²⁰, я желаю, что когда-нибудь где-нибудь, когда твой сын будет один, чтобы ровно такой же человек, как ты, повстречался ему. Чтобы твой сын зависел ровно от такого человека, как ты. Чтобы ровно такой же человек на чужбине попался твоему сыну.

ТРЕТЬЯ РЮМКА

Тут другая же тема. Вот когда я по Ичери Шехеру, по Крепости гуляю, я там хожу не как гид, я вырос там, у меня там первая любовь была, я когда рассказываю, первый поцелуй в щечку, это я поцеловался там... Недавно комическая история была. Ты знаешь, в Баку что такое крепостной? Я им всегда рассказываю, что у нас не было крепостного права, скажем, такие дела, поэтому у нас люди с гордостью бьют себя в грудь, что я крепостной, я потомственный крепостной... Есть один израильтянин, бывший бакинец, бывших бакинцев не бывает, он бакинец, Леня, он уехал отсюда в 91-м году, мать известная врач была, они на улице Низами, наверху жили, чуть выше этого, Ахундовского садика... И вот он в Дубай везет, он возит в Англию, он возит в Японию, он возит там в Таиланд, в Азербайджан. Россию он ненавидит, в Россию он не ездит, лютой ненавистью русских не любит. Леня рассказывает, в сентябре с израильской группой в Баку. Он тоже знает, что крепостные там, все дела, и он рассказывает, в Баку с группой израильской, и говорит, вдруг подходит какая-то женщина, говорит, вы — израильтяне? Он говорит, да. Вы все из Израиля? Говорит, да. И она говорит, я — потомственная, я — коренная, говорит, крепостная еврейка. А там ни одного бакинца нет. Крепостная еврейка? Коренная крепостная еврейка? У них до сих пор крепостное

---

¹⁷ ишак (азерб.)

¹⁸ подлизывался

¹⁹ обругал последними словами (азерб.)

²⁰ много говорить не буду (азерб.)

право, и еще евреи крепостные. Леня говорит, я смотрю на рожи вот этой группы своей, у них просто челюсти все отпали... А та еще с такой гордостью говорит... И он говорит, потом я им объяснил, что такое в Баку крепостной...

Знаешь, как было, как мы с ней познакомились... Это были клиенты «Силквея», я по найму туда пришел, то есть как гид, и когда мы заканчивали, она спрашивает, вы не могли бы сказать, где похоронен Муслим Магомаев, я очень хотела бы попасть на его могилу. Вот. Я говорю, вам сложно будет так, либо на такси... а так, мы сейчас едем в отель, а моя машина стоит прямо у отеля, я говорю, доедем до отеля, и я вас отвезу... Рамазан, я соблюдаю пост с 13-го года. Я, кстати, в России полностью соблюдаю, от и до... Короче, мы поехали. Я по дороге купил цветы... Она немножко прослезилась. У нее мать просто обожает Муслима Магомаева. Она, говорит, за моего отца она замуж вышла, мать считала, что он похож на Магомаева, ничего общего, абсолютно. Я, говорит, маме обещала, что я пойду на могилу Магомаева. И мы с могилы когда уходим, как раз *iftar vaxti gəlir*²¹, я говорю, не составите мне компанию? У меня сейчас разговорие, я говорю, я хотел бы... И мы поехали в ресторан «Шеки» пити²² хавать. Потом я ее отвез в гостиницу. И потом мы с ней начали переписываться, созваниваться... Потом она приехала в Баку. Ее сын как раз в этом году поступал в театральный, она была в Питере, все время, пока она его с экзаменов ждала, все-все-все, и оказалось так, что я ее поддерживал. Потом она из Питера полетела в Баку, потом улетела... Потом я прилетел в Ижевск. Я прилетел в Ижевск и заболел, на следующий день слег, десять дней, я почти больше половины пребывания там я лежал, как раз Крещенская неделя была, а я когда летел, я говорю, я нырну в прорубь. Я поправился, еще Крещенская неделя, мы поехали, она меня отвезла, я нырнул в прорубь. Буквально через два дня, позавчера у меня была температура, и я вот... И мы подходим к проруби, она говорит, я как понимаю, отговаривать тебя смысла нет? Я говорю, конечно, нет. Я раздеваюсь... Подходит чувак, тоже пришел махнуть в прорубь. Типа, как? И я знаешь, как бывалый, чуть ветер дует, а мороз такой, знаешь, за двадцать, я говорю, вы вот тут встаньте, чтоб не обдувало. И я когда вылезая, там еще какое-то пацанье подходит. Дядя, вы давно этим занимаетесь? Ага, минуты две... Как заправский морж...

Как раз я вынырнул, оделся, и пошли в какой-то ресторанчик, согреться, есть, пить. Потом я уехал, потом она приехала, потом я еще раз поехал, и вот потом она приехала, чтобы уже остаться, и мы здесь мыкались-мыкались, целый год почти заняло получение разрешения на то, чтобы практиковала, подтверждение диплома, это нужно было, чтобы наше Министерство образования подтвердило. Все это было без копейки, все это практически делалось онлайн, в общем почти год, такой тупизм был...

Она, говорит, ты понимаешь, у вас здесь люди меня всерьез не воспримут. Она заходила, говорит, вся увешана бриллиантами, это, говорит, врач? Говорит, у вас на это клюют. Она сразу просекла, говорит, я для ваших, я буду в джинсах, без бриллиантов, значит, неуспешный врач, а ее там ценят. Там пациенты по полгода, она когда приезжает в Ижевск, она гинеколог, маммолог, эндокринолог, это самое,

---

²¹ приближается время ифтара (азерб.)

²² Блюдо азербайджанской кухни

там люди к врачу не ходят, что она когда приезжает в Ижевск, два-три дня делает прием, к ней приходят, то есть настолько к ней такое отношение... А ты представь, в Шихлинке, врач говорит, у вас клиенты есть? Она говорит, я парикмахер что ли? Я пришла в клинику, какие клиенты? Понятно, что у меня нет с собой пациентов, которые за мной побежали... Я на этом фоне еще пытался, типа, а ты не понимаешь, сразу включается защита, но прекрасно понимаю, я понимаю...

Короче, получили мы разрешение, получили — и başladı bu karantin, rox-püsür²³ бля. Она хорошо успела перед этим карантинном уехать, и я застрял здесь...

Потом первый же рейс 24 сентября 2020-го, я уезжаю. Следующий рейс должен был быть 27-го, я еще думал, может, 27-го полететь, потом думаю, ладно, 24-го улетел. С Масиком. Я целый месяц Масика тренировал, чтобы он переноски не боялся. Я переноску положил к себе в постель. В переноску насыпал корм... Я месяц готовился, больше месяца, что мы уедем... Потому что с таким мучением мы его привезли, но мы ехали сюда вместе. Она тогда сказала, я отдам знакомым, я говорю, нет, давай наши отношения мы начнем с того, что мы никого предавать не будем, тем более членов семьи. Я говорю, мы члена семьи возьмем с собой...

Я готовлю Масика, потому что ему очень тяжело, у него аж пена изо рта, он боится, никогда его из дома на улицу не выводили... В Москве, все кто не русские, у всех собрали паспорта и унесли, я такого никогда не видел. Просто собрали документы, идите, ждите. Вот перед границей. Все на полу, я с Масиком, его успокаиваю. Четыре часа. Естественно, на следующий рейс я уже опоздал. Я иду в этот, в офис «Аэрофлота», я говорю, такая-то хрень, а у них следующий рейс только в двенадцать ночи... В «Шератоне» дают номер, мы идем в «Шератон» с Масиком. Я Масика выпускаю, сам заваливаюсь спать...

И на каждом шагу достаньте кота, положите кота, на регистрации вытащите кота, сфотографируйте переноску, сфотографировали они, потом подержите кота, кота сфотографируем, я говорю, в документе есть фотография кота, не знаю, идиотизм. Масик мне впился, как рыболовный крюк, в губу мне воткнулся, я потом вот так вытаскивал из губы, бедный Масик, а с него, у них, у котов, когда стресс, с них шерсть летит, знаешь, как. Глаза как два пятака бля. Всю дорогу охуевший, его вот так колбасит всю дорогу, я его и так, и сяк, Масик, qurban sənə²⁴...

ЧЕТВЕРТАЯ РЮМКА

Мы с Надей заходим в ментуру, когда мне регистрацию делали. В Ижевске. Там сидит какая-то клуша. Она повышает самооценку видно, общаясь с мигрантами. Я захожу, я говорю, здравствуйте, там тыры-пыры, я пришел это самое, и Надя стоит. Она стоит в коридоре, она с работы, она работает с утра до вечера, отменила пациентов, села на такси, приехала, потому что ее подпись нужна. Она стоит в коридоре, я говорю, подожди, я сейчас зайду, я тебя позову, подпишешься. Захожу, тыры-пыры, короче, это самое, и она мне что-то говорит, я не расслышал, я говорю,

---

²³ начался этот карантин, все это говно (азерб.)

²⁴ да буду твоей жертвой (азерб.), в значении «я тебя прошу»

извините, она говорит, у вас жена русская? Я говорю, да, а где она? Я говорю, в коридоре, позовите ее, она вам переведет. Ты мне же на русском говоришь, «твоя жена русская, где она?», я же это все понимаю, я одну фразу не расслышал. Меня обдали кипятком. Думаю, ладно. Выхожу, говорю, Надь, там сказали, что толмач нужен, зайди, переведешь мне с русского на русский. Я когда ей сказал, it sifəti açılır²⁵, она заходит, без мата, без ничего: как вы выполняете свои обязанности? Я — врач, если я была бы как вы, если бы у меня пациенты... Та знаешь, она уер аxtarırdı girməyə²⁶... Я говорю, Надя, ты себя со стороны не видишь, ты мечешь молнии. Мент испугалась тебя.

Вот эти унижения — зачем? Я говорю, Надь, ты же сейчас видишь? Вот этот русский шовинизм... Я говорю, ты видишь? Хуй с ним со мной, твоя связь с черножопым — по сути это отношение к тебе... И к тебе уже так относятся. Знаешь да, как у них называют женщин, которые спят с нерусскими? Чернильница... Мразотно...

Дяхон ее, когда она вернулась, причем человек с высшим образованием: ну и как там в Афганистане? Она говорит, ты идиот, блин, у тебя высшее образование, какой Афганистан? Потом ее сокурсник там есть один, шикарный врач, кстати, я потом с ним познакомился, но конченный человек, ущербный человек, фамилия Завтур. Я говорю, что за Заведующий Туризмом? Завтур. А «завтур» — это, знаешь, на молдавском, по-моему, затвор значит, шеколда. Завтур. Завтур приходит, садится, наливаю водку я, купили водку мы, жрачка, все наше, он сидит, разговаривает с Надей, просто поднимает рюмку и выпивает. Он поднимает, не глядя на меня, просто выпивает, а я налил ему и себе, понял? Он пытался типа свои стихи, то же мне Курт Воннегут ебаный, стихи, что-то там, не Курт Воннегут, а этот, как этого канадца звали, который писал на одном листе, на обоях писал, классик американской литературы, битник, блин, ну ты понял... Вот он пишет на каких-то бумагах, Наде нужно, ему надо почитать это, понимаешь? Блять, графоман... Я так сижу, а я улыбаюсь, на самом деле, такой злости нет, я вижу, понимаешь, жалкая личность, но классный реаниматолог, кстати, что прикольно. Я так смотрю, Надя так на меня...

Завтур звонил, ей писал в Баку, если тебя обидят, мы туда приедем. Я говорю, куда он приедет? Его бог уже обидел. Куда он приедет?... И там еще кто-то у нее спросил, то ли на работе, это самое, ты там типа в парандже ходишь? Это люди с высшим образованием говорят, понимаешь? Если бы это рабоче-крестьянский народ...

Ее близкая подруга, у нее муж, ну гражданский, он главврач всех железнодорожных больниц Поволжья, просто он в Новгороде живет, я за все это время его несколько раз видел, бля, такой классный мужик, просто золото. Я говорю, Надь, если бы Коля, его Николай зовут, я говорю, если бы Коля был здесь, я раз бы в месяц его хотя бы видел, у меня не было бы никакой тоски...

Я тебе говорю, форма ксенофобии, первое проявление — это была ее мать... Наде говорю, ты маме сказала, что я приеду? Да. Ну и как? Она счастлива... И она знаешь,

---

²⁵ разозлилась (азерб.)

²⁶ не знала, куда засунуться (азерб.)

мать со мной разговаривает, она возмущается, говорит, надо Путину писать... По поводу меня, что за несправедливость такая... Первый раз ее вот идеальный мир пошатнулся: сначала, что я — нормальный человек, раз, а второе, что русский мир неидеален — почему мне отказали? Они же, русские, меня если признали своим, почему власть не согласилась с ними?.. Там сын Нади однажды ей написал, она что-то про Путина ему посылает, он ей что-то написал резкое, та звонит Наде: вот, ты и сама, и ребенка воспитала с ненавистью к России. Надя говорит, мама, успокойся... Миша, ты дебил? Он говорит, мам, что случилось? Ты почему бабушке? Говорит, просто молчи, просто молчи... Она теперь возмущается, что мне отказали, что как можно, такому классному чуваку, ее зятю, и она говорит, но ты же видишь, что ваши творят?.. Там че-то было, то ли мигранты подрались или кто-то кого-то изнасиловал, я не помню, в новостях какая-то хуйня, и я так, я не знаю, что, но я понял, она телик же смотрит: ну ты же видишь, что ваши творят? Я говорю, да-да-да. Не хочу да я с ней спорить, ради спокойствия Нади, понимаешь. Что я буду ей говорить? Она тоже, она программист по образованию, ее мать, тоже, понимаешь, не колхозница, она на оборонке программистом работала еще в 80-70-е годы... Ну ты же видишь, что ваши творят? Там киргизы были...

Это как мне водитель в Новотроицке, Саша, классный был мужик, скончался, водитель шефа, как-то мы едем... но он водила, бля, Камаз водет, когда он говорил, мне просто было смешно, мы едем как-то, а я его как-то пригласил, мы с ним посидели, побухали, поужинали, и он мне говорит: все-таки, все-таки, блять, классный ты парень. Я говорю, Саша, спасибо, да, но я тебе хочу одну вещь объяснить, это звучит, знаешь, как? Ты хоть и обезьяна... То есть перед «все-таки» есть очень много мыслей: невзирая на все, что ты животное, да, но ты как-то бля научился пользоваться ложкой-вилкой и еще... Он говорит, он так, реально у человека лицо так: Господь с тобой, что ты такое говоришь? Я говорю, Саш, я понял, мне очень приятно, я говорю, но поверь, что это блять вот именно так звучит. Что значит «все-таки»? Ты можешь просто сказать: ты хороший парень. Ты вот Пете скажешь: и все-таки ты... Что значит «все-таки»? Все-таки — это что? Невзирая на что? И он реально, у него это... он говорит, я нет, я так не думаю вообще, я говорю, ты так не думаешь, ты так говоришь. Объясни мне, у тебя у самого чувства понимания русского языка нет? Я говорю, ты прекрасно понимаешь, что это означает — «все-таки». Гиждуллах²⁷ бля...

У меня был, это самое, знакомый. Бывший мент, у него мебельное производство было. А Женя, чтоб ты знал просто, Женя, он узбек. То есть у него отец узбек, который его породил и съебенил. Его вырастила мать. Там ебло узбека. И он: а бля, вот этот вот бля, нерусский. Я говорю, Женя, долбоеб, ты свое ебло видел в зеркале? Я говорю, кто угодно, но не ты. Он так: не понял, в смысле? Я говорю, когда ты говоришь «нерусский», ты, черт нерусский, ты свое лицо видел, ты, узбек? Как это узбек? Я русский! Я говорю, гиждуллах, посмотри да в зеркало на себя, посмотри да. Дебил бля.

---

²⁷ Gicdillaq — долбоеб (азерб.)

ПЯТАЯ РЮМКА

У них с кем не разговариваешь, они название спецслужб вслух не произносят больше. «Три буквы», «они». Ни в ватсапах, ни в телефонах это слово не произносится, скоро эвфемизм какой-нибудь придумают... Когда мне отказали, мы начали через друзей, через знакомых узнавать, что случилось. И там через знакомых кто-то имел знакомого в Трех буквах. Короче, звонят, нужно с тобой увидеться. Наш знакомый, общий как бы, моей жены близкой подруги муж. Подъезжай, поговорить надо. Нетелефонный разговор. Я еду туда, говорит, у меня там типа товарищ, тыры-пыры, тебе, короче, позвонят. Вот я за этим... Просто можно было сказать, тебе позвонят, и когда позвонят, ответь. Вот, окей, я пошел обратно домой. Я говорю, спасибо. Проходит üstündən²⁸, хрен его знает, bəlkə bir həftə²⁹, раз — звонок. Здравствуйте. Он не представляется. Мы могли бы с вами встретиться? Ну я уже понимаю, говорю, могли бы. Он называет кафешку, прям, что прикольно было, там есть два крупных собора — Михайловский и Александро-Невский, как в Баку. Он говорит, у Александро-Невского собора, знаете? Короче говоря, я приезжаю туда. Ясный погожий день. Погожий весенний день. Я приезжаю туда, кафе, сажусь. Говорю, мне дайте кофеек, чаек-кофеек. Она мне приносит. Я, наверное, пришел, чтоб не соврать, ну за полчаса, как минимум, может, минут за сорок. И вот я сижу, и любой входящий-выходящий — я вижу. Подходит время, уже близится, так сказать, одиннадцать часов утра или че-то такое, и раз — без минуты, это самое, без двух минут условленного времени, я пишу, что здравствуйте, я здесь, я на месте... Я тоже... Окей, я вас не вижу... А там получается, как зашел в дверь, и сразу туда сел, а можно налево уйти, там другой зал есть, он в том зале сидит. То есть получается, он пришел еще раньше меня. Другой двери нет, я бы увидел... Давайте там посидим. Я говорю, без проблем, а у него там чайник, у меня только чашка кофе. Давайте чаю попейте, я говорю, ничего, я кофе пью... И потом спрашивает, чем вы занимаетесь? Ну расскажите чуть о себе. Я говорю, да, конечно. Я рассказываю, так-то, так-то, я — гид, образование такое-то, но я много лет вот этим занимаюсь, так вот получилось, что как раз с этой деятельностью я повстречал супругу, мы поженились, тыры-пыры, жили в Баку некоторое время, ебнул карантин, вынуждены были... короче, ну все как есть рассказываю, просто беседа. Он говорит, да, столько я слышал о Баку, интересно, да, вы так рассказываете, он прям очарованно слушает, я рассказываю, вы знаете, благодаря этому выяснилось, что есть, оказывается, некая связь Баку и Ижевска. Он говорит, да, что вы говорите? Я говорю, да, вы знаете, как Нобели оказались? Я рассказал про нефтяной бум, вообще, как выглядит Баку, средневековый город, Азия-Европа... Во-первых, в России появился вначале их отец. Я их имена всех не помню. Потом уже вот сыновья, ну там динамиты-минамиты, все это изобретают, я уже к Ижевску, они начали изготавливать берданку — легендарная винтовка системы Бёрдана, по-русски берданка, она даже и во Вторую войну стреляла, во Вторую мировую. Прикинь, о vaxtdan³⁰. Они где-то в 1872-м году именно из Ижевска, завод у них в Ижевске, приезжают в Азербайджан в поисках сырья для цевья и прикладов. Едет в Ленкорань, lazımı qədər ağac tərmiş, gəlir Bakıya³¹, а здесь торги, керосиновые заводы, ну и дальше... Я ему это все рассказываю, «Черный

²⁸ с того времени (азерб.)

²⁹ может, неделя (азерб.)

³⁰ с тех пор (азерб.)

³¹ дерева в нужном количестве не находит, приезжает в Баку (азерб.)

город», вот вы могли Акунина, потом я рассказал про «Али и Нино», если вы любитель почитать, я говорю, конечно, интереснее после того, как побывали. И я рассказываю про Баку, про климат, про море. Любому русскому начни говорить про море. Да, для меня, говорю, это самое лучшее море в мире, блин, самый лучший песок, *basıb-bağlıyım*³², как говорится, он говорит, бля, вы так интересно рассказываете, прям хочется, я говорю, дай бог, когда приедете, я говорю, если я еще в тот момент окажусь в Баку, с удовольствием, считайте, что у вас есть бесплатный гид... Я ему рассказываю, какие у меня клиенты были, из ваших, самый большой генералитет, тыры-пыры, я говорю, по понятным я имен называть не буду, и из правительства были, и с начальником охраны Сергея Евгеньевича очень хорошие отношения, Сергей Евгеньевич — это Нарышкин... Я говорю, у меня самого друг — практически ваш коллега, правда, я говорю, он уже ушел в отставку... И он, наконец, переходит... Это, знаешь, наверное, блин, часа два мы просто беседовали. Я говорю, ну и тем не менее, я вот вам всю историю рассказал, подействовали бы, вы можете мне чем-то помочь? Ну, вы понимаете, и вы должны нам навстречу пойти. Я понимаю, всегда должно быть встречное движение. Я понимаю, что он сейчас должен что-то сказать. Но я, честно говоря, думал, что сейчас *söhbət*³³ будет такой: он мне скажет, что можно сделать, сколько это будет стоить. Он говорит, такие у вас познания. Я говорю, я закончил советскую школу, у меня педагоги были евреи. Я вот вижу, вы такой русофил. Я говорю, ну конечно, мы на Пушкине росли. Вы же видите, какая ситуация в мире, и я так: кольцо врагов смыкается? Он говорит, да, и улыбка такая. Да, понимаю. Вы могли бы чем-нибудь? Я говорю, чем? Я говорю, не понял типа. Ну я вот смотрю, вы с такими людьми имеете это самое, ну да, это тоже, нет, я не об этих, не о россиянах. А вы о ком? Вот у вас, вы, наверное, знакомы с чиновниками. Ну пару чиновников я, может быть, знаю. Вот. Ну если бы вы могли бы имена их назвать. Да легко могу перечислить, какие имена? Ну с кем вы знакомы. И что это даст? Просто, ну для начала мы — уже мы — мы бы поняли, что вы готовы с нами сотрудничать. Я говорю, ну окей, я вам назову. Ну хотя бы пять имен, но надо будет, чтобы вы это написали. Я говорю, не-не-не, давайте, блять, без писанины, нет, конечно, нет. Он говорит, ну смотрите. Вы, говорит, это самое, можете на принтере распечатать. Я говорю, вы еще бля про печатную машинку рассказали бы. Я говорю, вы знаете, да, наверняка, что двух одинаковых, это как отпечатки пальцев, точно так же, я говорю, принтеры. Я говорю, зачем?.. Вы знаете, к сожалению, спасибо вам большое, но я вынужден отказаться. Я не вижу смысла во всем этом. Конечно, я очень хотел бы сослужить добрую службу, но, наверное, я пойду каким-то другим путем... Он говорит, вы понимаете, о нашем разговоре никто не должен знать, даже жена, я говорю, да-да, конечно, ты на свой костюм посмотри, агент херов... И когда мы выходим, как раз таяние снегов, солнечный день, все тает, течет, и вот так перепрыгивая через лужи, я говорю, вот времена пошли блять, тяжело остаться незапятнанным. Я так: ну все, мне отсюда налево. Он: если что, типа обращайтесь. Я говорю, хорошо... Вот такая история... Кольцо врагов смыкается... Сужается, смыкается... Дегенерат... Опричнина...

---

³² нахваливаю (азерб.)

³³ разговор (азерб.)

ШЕСТАЯ РЮМКА

Ты знаешь, лед цвести начинает весной? Там, видно, какие-то грибы, споры какие-то, как только начинаются теплые деньки, лед начинает цвести. И это раскалывает, начинает разрушать лед. Я к чему это рассказываю, я сейчас просто вспомнил: в последний раз, когда пришел на каток, они, говорят, все, мы сегодня как бы последний день работаем, я говорю, почему, там лед еще, они говорят, лед уже цветет. Вот такие ярко-желтовато-красные как цветы появляются, внутри льда, что-то типа плесени красного цвета, на белом красные и желтые, прикольно, такое ощущение, как будто кровь капала... Это в Ижевске... В Москве у меня пока бабок нет на каток ходить, в Ижевске каток очень дешевый. В Москве, сука, любое движение дорого. Они с января еще на десять процентов общественный транспорт поднимают...

Я в Ижевске в общей сложности был три раза. В последний раз я там был где-то, наверное, был чуть больше полугода, да, оттуда мы уже в Москву поехали... Нет, мне нельзя нигде работать...

Я работу ищу, мне нужно, чтобы кто-то меня нелегально взял. Через tanış-tanış³⁴, один знакомый звонит мне, dur get Fud Sitiyə³⁵. Шамкирские там. Я в этом конце города, Фуд Сити вообще в жопе мира. Лето, жара. Жуткая жара, тридцать градусов, за тридцать, сам знаешь, московская влажность. У нас же хазри³⁶ есть хотя бы, у них этого нет, onlar qanmırlar³⁷. Короче, я еду через весь город, я еду в этот сраный Фуд Сити. Фуд Сити — это, сука, как Шамкир. Я как будто Azərbaycanla düşdüm³⁸... И они там живут, из Шамкира, из, я не знаю, из Евлаха. Он просто как-то телепортировался, но он, сука, остается в Евлахе, в Шамкире, он не в Москве вообще физически... Через весь Шамкир прохожу, нахожу, они оптовики, на складах... Я через вот это все прохожу... Шорты, ну как я всегда одеваюсь, ну лето... Мы вначале разговорились, şad oldum³⁹, ну он знает, зачем я пришел, говорить излишне — gəlmişəm, sənəd ala bilmirəm, ona görə iş də tərə bilmirəm⁴⁰... Mən on beş il, mən on beş il sənədsiz yaşadım, brat⁴¹, и начинает эту ненужную мне историю, знаешь, девяносто процентов текста в разговоре нашем ни о чем... Он говорит, а уахşı, mən nəzərə alaram, всё, mən nəzərə alaram⁴²... İndi sezon deyil⁴³. Я говорю, а уахşı⁴⁴, всё. Он говорит, bəlkə bir kofe içəsən?⁴⁵ Дешевый растворимый кофе. Я говорю, уох, sağ ol, içib gəlmişəm, payın artıq olsun, Allah razı olsun, mən getdim⁴⁶. В общем, durdum, çıxdım, səhənnəm oldum⁴⁷. А потом мне фидбэк блин доходит, что

³⁴ знакомых (азерб.)

³⁵ поезжай в Фуд Сити (азерб.)

³⁶ Хазри — северный морской ветер, который дует на Апшеронском полуострове

³⁷ откуда им знать (азерб.)

³⁸ в Азербайджан попал (азерб.)

³⁹ рад (азерб.)

⁴⁰ приехал, документы получить не могу, потому и работу найти не могу (азерб.)

⁴¹ Я пятнадцать лет, я пятнадцать лет без документов прожил, брат (азерб.)

⁴² хорошо, я учту, всё, я учту (азерб.)

⁴³ Сейчас несезон (азерб.)

⁴⁴ хорошо (азерб.)

⁴⁵ может, кофе попьешь? (азерб.)

⁴⁶ нет, спасибо, выпил приехал, да будет твоя доля большой, да будет доволен тобой Аллах, я пошел (азерб.)

⁴⁷ поднялся, вышел, свалил (азерб.)

типа, он типа bomba oğlandır axı⁴⁸... Mənim partnyorlarım var⁴⁹... Mən başa düşürəm e, şəhər uşağıdır, ali təhsillidir⁵⁰, причем он не знает, ali təhsilim var ya yox?⁵¹ Ali təhsillidir, şəhərdə böyüyüb, amma mən onlara necə deyim? Sırğa, şortikdə...⁵² Я в чем должен был приехать? Qastyum-şalvarda?⁵³ Что, я должен был в черном костюме приехать, понимаешь?

Мне же работать нельзя, и таких, как я — до хуя в Москве. И соответственно, это же Москва, там на всем делают бабки, поэтому создаются конторы, которые без всяких документов берут тебя на работу. Инсталлируешь себе на телефон два приложения. Одно — это Яндексa, допустим, и второе — это их приложение. И получается, что как бы не ты на Яндекс, а они на Яндекс работают. С любой доставки Яндекс берет сорок процентов, и они сколько-то берут, ты работаешь на них. Если ты пойдешь напрямую в Яндекс, тебе нужны документы, а тут — посредники. И они говорят, во-первых, купите короб. Короб стоит, я не знаю, две тысячи. Полторы тысячи, две тысячи. Я, говорю, не хочу, блять, короб покупать, на хуй он нужен? Если вы, говорит, купите короб, вам плюс один приоритет. Если вы купите одежду специальную, тоже с лого, еще плюс один. И если вакцинированы, и еще плюс. А что это такое? У тебя есть типа рейтинг, тринадцать что ли, максимум, когда у тебя максимальный рейтинг, любой заказ — ты в приоритете, заказ поступает тебе, и вот они типа эти приоритеты, их потерять очень легко, ты опоздал на пару минут, допустим, должен был за четырнадцать минут доставить, за шестнадцать минут доставил — минус один приоритет, поступил заказ, отказался — минус приоритет. Я отметил «пешая», у меня нет транспорта, ничего, я сделал, «пешая», инсталлировал эту хрень и пошел работать. И они мне сказали, три заказа первых — это нам, окей да блин, справедливо, понятно, что они не на халяву работают. Хорошо, все, давайте активировать. Я говорю, зачем? Сейчас поступит заказ, как раз пойдете. Я говорю, подождите, у меня дела свои, я же могу в любое время пойти... И велели карту открыть, карту привязываешь, чтобы деньги тебе поступали...

Я за день прошел двадцать девять километров пешком... У меня первый заказ, а там, знаешь, рядом со мной магазин «Азбука вкуса», ты приходишь, там уже продукты собраны, ты просто показываешь код, тебе дают вот это, ты берешь и везешь. И первый же заказ у меня получился в такой жопе, там коттеджный городок, где вилла-особняк этого, Киркорова. Я на автобусе куда-то приехал, по этому, по навигатору, а оттуда пешком ты херачишь по лесу, по лесу, где какой-то пруд, Москва-река разливается, там миллион этих... Я иду, и кто-то мне навстречу идет, по лесу вот эта дорога, идет навстречу один и по-азербайджански разговаривает. Клянусь. Прикинь? Это сюр да блин... Жара. Я вот, у меня футболка не просто вот мокрая, я никогда в жизни так не потел, она просто, ее как будто засунули в воду. Вот это просто мой пот, с меня капает... Я говорю, qaqaş, bura kottəcni hardadır?.. Kirkorov yaşayan yer?.. Mən nə bilim, Kirkorov harada yaşayır... Nə

⁴⁸ он же бомба-парень (азерб.), в значении «классный парень»

⁴⁹ У меня есть партнеры (азерб.)

⁵⁰ Я все понимаю, городской парень, с высшим образованием (азерб.)

⁵¹ есть у меня высшее образование или нет? (азерб.)

⁵² С высшим образованием, в городе вырос, но я им что скажу? С серьгой, в шортиках... (азерб.)

⁵³ В костюме? (азерб.)

bilim, orada, o tərəfdə nəşə var...⁵⁴ Я говорю, уəni orada nəşə var, bu yol dalana getmir?.. Yo, yo, get...⁵⁵ Я прихожу туда, ворота, охранник стоит, к кому вы пришли? Я говорю, я не знаю, к кому я пришел. Вот адрес, тут какой-то коттеджный дом такой-то. Позвоните туда. Я звоню, не отвечают. Я, говорит, вас не могу пустить, они должны позвонить, чтобы я вас впустил. Я говорю, ну еб твою мать, блять, вот звоню, не отвечают, я говорю, ты же видишь, блин, «Азбука вкуса», блин, ты же видишь, блин, я же, сука, мигрант, я раб... Сменил гнев на милость: ну ладно, проходи. Я говорю, а куда идти? Не знаю, иди да бля...

Я должен был это доставить за двадцать там семь минут что ли, я в результате туда приехал где-то почти через три часа, два сорок что ли. Я оттуда измочаленный возвращаюсь, короче, возвращаюсь домой, душ принимаю, активирую снова заказ, пəusə. Я за день сделал три заказа. Двадцать девять километров, мне их трекер показал. Теперь я выхожу на следующий день, начинаю работать. Работаю, прихожу домой, мне деньги не поступают, по моим прикидкам, наверное, тыщи две заработал, может, полторы. Я пишу, что, вашу мать бля, mənim bir abbasım nə oldu?⁵⁶ И мне оттуда пишут, у вас, это самое, у вас материально-ответственная работа, поэтому вы еще пять тысяч должны заработать, мы их блокируем, и когда вы выполните сто заказов, эти пять тысяч мы вам вернем, а они эти пять тысяч, даже если ты сто заказов сделаешь, за любые нарушения они тебя будут штрафовать, понял?.. Я не помню, что я там написал... Я донес последний, да, кстати, было желание выкинуть нахер, потому что ничего мне не сделают, но там человек ждет жрачку свою. Я принес, отдал, это самое, стер нахуй все приложения...

Ты понимаешь, там же есть люди обреченные, сотни, тысячи людей, мне есть, куда пойти, мне есть, где спать, в крайнем случае даже если я просто сажусь уебываю, а человек обреченный... Я только от собственных мыслей точно на себя руки наложил бы, жить так я бы не смог...

Нам инструктаж проводили, как коэффициенты растут. Если непогода, коэффициент растет. А если, говорит, будет Болотная и на Болотной будет у вас заказ, он типа советы дает, xiyar⁵⁷, инструктаж vegən⁵⁸, белый человек, то там вообще самый классный коэффициент. Я говорю, ты чего несешь? Ты в своем уме? Какая Болотная, дебил?

СЕДЬМАЯ РЮМКА

Сидит на кухне и плачет. Включила на Ютубе песню «Ніч яка місячна» и плачет. Я говорю, что случилось? И она говорит, почему мы такие? В общем у нее началась... Как мы могли, так все эти дела. Я ее так успокаиваю... Мы прокляты, мы прокляты навсегда, такие дела... Я говорю, слушай, теперь это вселенская совесть нации только в тебе одной? Я говорю, не надо себя вот так изводить. Я говорю, а во-

⁵⁴ гагаш (парень), где здесь коттеджный?.. Там, где Киркоров живет?.. Откуда мне знать, где Киркоров живет... Не знаю, там, в той стороне что-то есть... (азерб.)

⁵⁵ то есть там что-то есть, дорога в тупик не ведет?.. Не, не, иди... (азерб.)

⁵⁶ где мой двугривенник? (азерб.)

⁵⁷ огурец (азерб.), в значении «нехороший человек»

⁵⁸ тот, кто проводит инструктаж (азерб.)

вторых, Надь, ты понимаешь, это ты удивляешься. Я однажды уже разозлился, я говорю, это ты удивляешься, поверь, что стороннему взгляду, вот ни я, уверен, ни в Казахстане, ни в Грузии никто не удивился тому, что происходит. Мы могли удивиться только тому, что мы не могли подумать, что на украинцев можете двинуть. Я говорю, слушай, почему ты не плакала, допустим, в 90-м году, когда в Баку? Вы даже не ведали. Потом, когда на территории собственной же страны, когда чеченцев утюжили, сильно совесть нации в тебе не просыпалась. Мне на самом деле, я говорю, мне гораздо проще все это, для меня не произошло ничего из ряда вон, наоборот, в этом случае, в отличие от нас, я ей говорю, на стороне хохлов вся, так сказать, весь мир на их стороне, морально, ментально, и даже русские многие на их стороне, а когда нас херачили, на всю Россию одна только Ганнушкина заинтересовалась: надо поинтересоваться, может, там на самом деле не в азербайджанцах дело? Я же там познакомился с этой Ганнушкиной. Знаешь, Ганнушкина, кто она? Она известная правозащитница, она, по-моему, создатель вот этого общества — «Мемориал». Я вот с ней познакомился, великолепная женщина, просто фантастическая женщина.

Вот моя теща. Она всецело, все правильно, хохлов надо дрючить, денацифицировать. А Миша, Миша ходит в футболке, я Наде говорю, Надя, не дай бог, пока он был в Питере, не дай бог, чтобы он выходил на улицу, еще тогда, еще до войны, а шас он ходит в футболке, приехал он, значит, в этой футболке — «Дед, выпей таблетки». И эта бабушка его говорит, ой, какая у тебя клевая, это самое, а там типа детским почерком написано — «Дед, выпей таблетки», как клево, это прям про меня, говорит, нет, бабушка, это не про тебя... Но это ладно, пожилые люди... Я говорю, Надь, маме твоей нужно кабель перерезать телевизионный, и потихонечку она адаптируется. Надо, чтобы это говно ей в уши не лилось... Я почему свою тещу вообще не осуждаю, я просто вижу ее, как она себя ведет вообще по жизни, не касаясь политики. Она противится всему новому, она ненавидит Москву — ой, вы там в Москве. С одной стороны, она говорит, что мы ненавидим Россию, а так, как она ненавидит Москву, как вся Россия, сука, ненавидит Москву, у них, знаешь, вот этот дуализм, несовместимое совмещается. Ненавидят лютой ненавистью...

Миша не хотел уезжать... Остро встал вопрос, что нужно выезжать... Она его уговорила, после того, как уговорила, он сказал, окей, я тогда пошел, уже начал, это самое, с тобой поговорил, все дела, оказалось, что у него нет вакцинации, на это нужен был двадцать один день, сначала не было загранпаспорта, это самое... Надя поначалу истерика, знаешь, как, чуть ли не через Финляндию на собачьих упряжках... Ну это все Надя, я ее успокаивал... Мы предполагали типа вариант, вообще изначально Азербайджан, но так как в Азербайджане можно три месяца, а в Армении и Казахстане подольше, поэтому рассматривали вариант Казахстана и Армении, но в Казахстане никого нет, а так как я в хороших отношениях с той же самой Ирой... У них есть родственники в Ереване, к которым я мог бы обратиться...

Одноклассница, Ирина Маилян. Она, потом девочка была, моей классной руководительницы дочь, она была в меня влюблена в школе. Они дважды сепаратисты, с мужем в Севастополе, муж ереванский, я об этом говорю, дважды сепаратисты, она когда это самое, с таким восторгом — мы россияне теперь. Сохит

sizin...⁵⁹ В Крыму это Роза... А Ирина Маилян, она помнит мой день рождения, исправно меня поздравляет с днем рождения, с Новым годом. Мы с ней дважды встретились, я ее до этого ни разу с 89-го года, первый раз вот встретился с ней в августе месяце... Действительно, очень прикольно, так прикольно... Когда «Одноклассники» появились, мы нашли, и она говорит, окажешься в Москве, если ты не приедешь, не погостишь у нас, я на тебя обижусь. Смертельно. Ты если приедешь, ты даже останься у нас. Я говорю, у тебя муж, блин. Нет, он нормальный...

Мы встретились, в этом, в Измайловском парке погуляли, че-то где-то посидели, кофе попили, потом в парке посидели... Детские воспоминания... Ты же понимаешь, елки-палки, мы где выросли, мы откуда все? Ты же понимаешь... Она сама никогда этот вопрос не поднимала, и мне казалось, что она мыслит иначе. Ненависти нет у нее, не то, что ненависти, даже неприязни как таковой нет, у нее отец с азербайджанцами дружил, у нее там тетя, по-моему, замужем за азербайджанцем, и они живут в Баку, она общается с двоюродными братьями... Я не помню, что она говорила, но в общем тема была о том, что они все-таки уникальные, вот примерно это проскальзывало. Не, мы свернули эту тему, не зашли настолько, чтобы остались негативные какие-то эти, нет, я увел, и ей надо тоже отдать должное, она не продолжила, почувствовав, что дальше будет хрень какая-нибудь...

Поэтому мы рассматривали как бы на крайняк каждый из вариантов, вот, в общем любой из вариантов... Я Наде говорил, что, слушай, я вообще успокаивал, что никто ее сына не возьмет, будут брать в первую очередь бесхозных, потому что есть юридические пути отстоять ребенка, вот, а чтобы просто ее успокоить, я говорю, слушай, если так надо будет и от семьи одного человека, я пойду...

Когда она его, наконец, уговорила, он согласился, я даже хохмил, слушай, теперь уже в России несолидно будет оставаться, столько прекрасных людей покинуло Россию, а ты сидишь тут, как лошара, ты тоже хотя бы в Азербайджан на месяц свинти. Пока он этот ПЦР делал, там все дела, он сказал, нет, я не еду... У него, потому что спектакли, там все... Чуть-чуть в информационном поле затишье наступило, она чуть успокоилась... Для нее Миша это, знаешь, ну как для любой матери, но у нее вообще, знаешь, она просто дышит им. Она, Allah eləməsin, bir şey olsa⁶⁰ — все, ее жизнь на этом заканчивается, стало быть, и моя, вокруг все заканчивается...

Я эту вату азербайджанскую... Вугар, наш начальник цеха, я говорю, Вугар, ау başına dönüm, ruslar bizim başımıza həmin oyunu aştamışdılar?⁶¹ Этот Зеленский охуел э, а что, хохлы о чем думали, когда так выебывались? Я говорю, Вугар, где они, че выебывались? Кому они что сделали? Я говорю, Вугар, зачем ты мне пересказываешь телевизор? Я говорю, ты азербайджанец, ты как минимум, özü də⁶² он 76-го года, я говорю, ау kişi⁶³, ты же 20 января видел... Тебе этого, сука,

⁵⁹ Я вас... (азерб.)

⁶⁰ С ним, не дай бог, что-то случится (азерб.)

⁶¹ я тебя прошу, а русские с нами ту же шутку не сыграли? (азерб.)

⁶² к тому же (азерб.)

⁶³ мужик (азерб.)

мало? Я уже не говорю про 11-ую Красную армию и вообще... В школе, я помню, у нас два пацана были — Шахин, Фуад, они шли по коридору и разговаривали на азербайджанском языке, у нас учительница начальных классов там какая-то была, она проходит мимо, говорит: вы в русской школе находитесь. Это 80-е годы... Мне директор моей школы Марья Петровна сказала: не забывай, чей ты хлеб ешь. Понимаешь? Я когда Наде это все рассказываю, она говорит, неужели мы такие плохие? Я говорю, нет, вы в целом очень хорошие. Ты знаешь, почему я завидую русским при всем при этом? Я говорю, у русских, я говорю, сколько бы у вас ваты и зет не было бы, у вас есть просто до хуя приличных людей...

У меня двоюродный брат есть, он мне каждый раз посылает всякие ролики, какие русские пидарасы. Я говорю, Тофик, ты мне что хочешь сказать? Как будто я топлю за Путина. Я говорю, Тофик, ты что хочешь от меня? В тот раз, они только развязали войну, я иду по Садовому кольцу, и Тофик мне звонит, а там же все пеленгуется, в данный момент происходящие разговоры на ключевые слова, весь центр в бобиках, в ментах, вот эти все космонавты, я говорю, Тофик, блять сука, ты меня год не видел, тебе больше не о чем разговаривать? Ты что от меня, сука, хочешь услышать? Что ты от меня хочешь, бля? Нет, ты не понимаешь, ты не понимаешь. Я говорю, бля, Тофик, успокойся, я говорю, Тофик, ты вообще чем-то..? Не-не-не, я щас весь в войне... Ты что хочешь? Что? Что я должен сказать?

ВОСЬМАЯ РЮМКА

Я очень много лет сам вынашиваю мысль написать. Я вот читаю тебя, я понимаю, ты начинаешь повествование, повествование ни о чем да, но ты сводишь это к чему-то, бля, я вот, окей, взялся, но куда я сведу это?.. У меня не сводится, не сводится... Ты знаешь, я в свое время, меня мама не то, чтобы познакомила, она мне показала человека, и вот это с детства я это помню, с детства deyəndə⁶⁴, подростком я был. Скажем так, я этого человека знаю. Человек, который рассказал свою историю Ибрагимбекову, Максуду, то есть, и он написал, это одно из моих любимейших произведений. Я этого человека знаю. Он пришел к Максуду, рассказал историю своей любви, и он вот из этой истории сделал одно из моих любимейших произведений в моей жизни — «Кто поедет в Трускавец». Я обожаю... Вот просто человек рассказал, что влюбился в бабу, как классно это все...

Я часто, у меня прокручивается в голове, история как будто не моя, история какого-то семнадцатилетнего мальчика... Я говорю, с семнадцати лет все время с какой-то хренью, причем из всех больших жизненных проблем меня боженька выносил, всегда бля. Практически, это самое, как помнишь это, «Судьба человека»: и в этот раз, говорит, смерть мимо прошла, да больно холодком от нее повеяло. Все время я только вот этот какой-то холодок чувствовал, не гневить бы бога, действительно, но блять всю дорогу... Ну вот это вот, ту way, так сказать...

Valıq dolması⁶⁵, это была фантастика... Я тебе рассказывал, да? Они рыбу ловят, у них во дворах стоят бочки с пиздец соленой водой, там просто голимая соль, жижа

---

⁶⁴ говоря (азерб.)

⁶⁵ Рыбная долма (азерб.)

соленая. И все, что они не отловили, они не моют, потрошат рыбу, не моют и просто бросают в воду, без кишок, без внутренностей. Любую рыбу. Любую, все, что наловили, все туда. Это там может, понимаешь, десять лет даже храниться, не испортится, голимая соль... И когда нужно, в любой момент, да-да, они ее просто ополаскивают водой, начиняют, я не знаю, помидорами, зеленью, всяким говном, и вот заворачивают в инжирный лист... Я не помню, определенная сторона должна быть, да, по-моему, на гладкой стороне, по-моему... Они заворачивают лист, обвязывают, а как, я не видел, я как понимаю, ее на пару делают... И парится, а потом, когда к угощению подают, то есть на тарелке, но на этом листе. Просто разворачиваешь, и ты с листа ешь. Блин, это, ну это невероятно вкусно. Правда, потом часов шесть-семь умираешь просто. Они традиционно эту вещь едят с арбузом. Традиционно, ну понятно, что херачат с этим, с алкоголем, и под него можно реально просто декалитрами, до полного отравления можно, потому что алкоголь пьется, любое говно можно с этим выпить. Во рту тает, любой кусок, ты его не жуешь, ничего — все, getdi⁶⁶. Это что-то фантастическое, очень вкусно... А ты прикинь — там! Это вкуснее раз в десять... Отец одного из солдат привез, мы сидели, несколько человек, ели на ящиках из-под снарядов...

Я уехал. Мы сидели вот так с отцом, я так встал: uaxşı, mən getdim⁶⁷. Hara gedirsən?⁶⁸ Я говорю, я уезжаю на фронт. А мамин двоюродный брат погиб тогда. И мать говорит, что ты его не остановишь. Говорит, ты его не остановишь... Я пошел, поехал на вокзал, сел на поезд и уехал... В Агдам. Агдам еще был наш... Я уже здесь договорился, куда я пойду. Там были добровольческие батальоны...

Долго, почти месяц мы просто сидели в доме одном, а потом раз один день — dur, getdik⁶⁹. Мы поехали в Ахмедагалы, и в Ахмедагалы мы попали в окружение. Мы приехали, заменили тех, которые там сидят, те уехали, мы остались, и под утро началась мощная атака. Ты знаешь, мне было интересно. Слава богу, я испугаться не успел. Так получилось, что это время, трое суток там были в окружении, я помню, что жрать нечего было, это самое, сухой хлеб от предыдущих остался, мы размачивали, и рюкзак конфет, карамель. Карамель с чаем, kəklikotu ilə⁷⁰...

Мы вошли в одну деревню, а у меня оставались хвосты, я в АЗИ же учился. Я пришел к комбату, я говорю, это самое, mən gedim, imtahanları verməliyəm⁷¹. У меня до сих пор эта увольнительная осталась, напечатали, я уехал. Я уехал, через четыре дня... Я приехал, сидел у двоюродного брата, домой пришел, поехал к двоюродному брату, и у двоюродного брата зазвонил телефон, они позвонили домой, там сказали, что я там, позвонили... Ребята погибли... Часа через три, я вот не помню, то ли два, то ли три примерно, мощное наступление... Больше половины батальона перебили...

---

⁶⁶ ушел (азерб.)

⁶⁷ ладно, я пошел (азерб.)

⁶⁸ Куда идешь? (азерб.)

⁶⁹ вставай, пошли (азерб.)

⁷⁰ с чабрецом (азерб.)

⁷¹ я поеду, мне экзамены сдать надо (азерб.)

А была интересная история. Я поехал в Агдам на АТС, чтобы позвонить в город. Баба одна была, я ей позвонил, АТС-dən⁷². Вышел, я не один, ребята, на военном грузовике. Смотрю, с каким-то старцем разговаривают наши ребята. Это самое, gəl bura⁷³, типа ağsaqqal səni çağırır⁷⁴. Я подхожу, вот клянусь, блин, клянусь, не придумка. Ощущение нереальности. Adın nədir sənin?⁷⁵ Я говорю. Он говорит, что qorxub eləmirsən ki?⁷⁶ Я говорю, yox⁷⁷. Он говорит, işdir, qorxsan, aç sinəni uzan torpağa, sinən dəysin torpağa, sənə heç bir şey olmayacaq, amma evə qayıdandan sonra, bura bir də gəlmə⁷⁸... Ни при каких обстоятельствах, все да, get⁷⁹... Вот клянусь... Можешь в такое поверить?

ПО ПОСЛЕДНЕЙ

Вот, я сейчас иншааллах поеду, иншааллах... Вот мне не хватает мужского общения... Больше ни по чему не скучаю. Единственное, еще родители пожилые, вот это меня беспокоит. И все.

Как мне там было скучно порой, знаешь... Я еще и поэтому не пил. Как выпью, вообще тоскливо становилось. Поэтому и пить особо не хотелось.

«Почему мне в кредит, по талону / Предлагают любимых людей?»

Я насколько люблю Баку, Азербайджан, ты поверишь, но... Баку отторг меня, но и там я чужой, тем более чужой. Там не нужен и здесь не нужен. Такое ощущение есть...

Я сейчас, я не знаю, наверное, на шершавой стороне, но не бывает все время шершавой стороны, она, наверное, меняется, иначе вообще было бы невыносимо...

Спасибо тебе большое, я несказанно рад, восполнил брешь трехгодичную... Спасибо тебе, я прям ürəyimi boşaltdım⁸⁰... За тебя!

28 июня — 3 июля 2023

---

⁷² с АТС (азерб.)

⁷³ иди сюда (азерб.)

⁷⁴ аксакал тебя зовет (азерб.)

⁷⁵ Как тебя зовут? (азерб.)

⁷⁶ не боишься? (азерб.)

⁷⁷ нет (азерб.)

⁷⁸ если вдруг испугаешься, раскрой грудь и припади к земле, чтоб грудь земли коснулась, с тобой ничего не случится, но вернешься домой, сюда больше не приезжай (азерб.)

⁷⁹ иди (азерб.)

⁸⁰ душу излил (азерб.)